

РАЗВИТИЕ КИТАЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В.В. Одериха

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, oderiha@mail.ru*

В настоящее время китайско-турецкие отношения определяются двумя факторами. Первый – экономическое сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП), выдвинутой китайским правительством. Правительство Турции принимает участие в ОПОП в попытке уменьшить дефицит в торговле между двумя странами. Ситуацию осложняет уйгурский вопрос, поскольку большинство простых турецких граждан с сочувствием относятся к китайским уйгурам.

Ключевые слова: Китай; Турция; китайско-турецкие отношения; Один пояс – один путь; уйгурский вопрос.

DEVELOPMENT OF THE CHINA – TURKEY RELATIONS AT THE PRESENT TIME

V.V. Oderiha

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, oderiha@mail.ru*

At the present time China – Turkey relations depend on two circumstances. The first – economic cooperation under Belt and Road Initiative (BRI) promoted by Chinese government. Turkish government participate in BRI in an attempt to reduce trade deficit between two countries. Situation is complicated by Uygur issue, because the empathy of common Turkish citizens to Uygurs in China.

Keywords: China; Turkey; Chinese-Turkey relations; Belt and Road Initiative; Uygur issue.

В настоящее время отношения между КНР и Турецкой Республикой определяются двумя группами факторов. В первую очередь, это проблемы экономического сотрудничества двух стран в условиях активного продвижения Китаем проекта создания транспортного коридора «Один пояс – один путь», при том, что у руководства Турции есть свои планы сотрудничества со странами центральноазиатского региона, которые должны войти в китайский проект. С другой стороны – Центральная Азия воспринимается многими в Турции как область, населенная родственными тюркскими народами, судьба которых им небезразлична.

Долгое время отношения между двумя странами носили довольно сложный характер. Сыграла свою роль поддержка Турцией уйгуров, корни которой уходят во вторую половину XIX в., когда в результате восстания местных мусульман в Синьцзяне (Восточном Туркестане) на короткое время было создано государство Якуб-бека а турецкий султан оказал ему определенную финансовую и военную помощь [3].

С приходом к власти в Китае коммунистов, в Турции нашли убежище уйгурские политические и национальные деятели, положив начало формированию здесь крупнейшей на настоящий момент уйгурской диаспоры. Как результат – дипломатические отношения между двумя странами были установлены только в 1971 г. Но и после этого, почти три десятилетия, китайско-турецкие отношения носили поверхностный характер. Двусторонняя торговля была слишком незначительной, а внешнеполитические интересы не пересекались.

Ситуация начала меняться в начале 2000-х гг., по мере превращения Китая во вторую мировую экономику. Бурный экономический рост потребовал не только рынков сбыта китайских товаров, но и обеспечение китайской промышленности сырьем и энергоресурсами. Это резко усилило китайское экономическое проникновение в страны Центральной Азии, которые традиционно рассматриваются в Турции как населенные братскими тюркскими народами, и в которые, в предшествующее десятилетие, турецкое правительство вложило значительные средства, прежде всего в культурную сферу.

С начала 2000-х гг. торговые отношения между двумя странами стремительно развиваются. В 2010 г. объем совместного товарооборота превысил 1 млрд долл., то уже в 2019 г. – 21 млрд долл., т.е. увеличившись более чем в 20 раз [6, с. 444]. Но это же порождает проблему дисбаланса в двусторонней торговле.

Так, по состоянию на 2020 г. Китай занял в турецком импорте первое место, занимая при этом лишь 15-е место в турецком экспорте. Сказывается еще и огромная разница экономических потенциалов двух стран. Для Китая Турция как торговый партнер весьма незначителен: 29-е место как покупатель китайской продукции (по состоянию на 2018 г.) и 60-е как поставщик продукции [4, с. 207]. Как результат, Турция имеет в торговле с Китаем огромный по турецким меркам торговый дефицит – свыше 20 млрд долл. При общем объеме торговли около 26 млрд долл., это 60% общего торгового дефицита Турции в 2020 г. [4, с. 207].

В 2015–2019 гг. Китай инвестировал в Турцию 3,5 млрд долл., что представляло значительный рост, ибо в 2011–2014 гг. общий объем инвестиций составил менее 50 млн долл. [4, с. 212]. Такое резкое увеличение инвестиций связано с началом сотрудничества КНР в рамках инициативы

«Один пояс, один путь». Но все равно это очень мало и составляет лишь несколько процентов от общего объема прямых иностранных инвестиций в Турцию.

В сентябре 2013 г., будучи с визитом в Казахстане, председатель КНР Си Цзиньпин в выступлении в Назарбаев-университете (Астана) озвучил идею Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Охарактеризовав его как новую форму сотрудничества Китая, государств Центральной Азии и России, он выделил пять его составляющих: политическое соглашение, строительство единой дорожной сети, усиление торговых связей, валютных потоков, народных связей. ЭПШП следует по историческому сухопутному Шелковому и предусматривает развитие межрегиональной транспортной инфраструктуры, которая соединит Турцию, Грузию Азербайджан, Туркменистан и Казахстан железными дорогами и паромной переправой в Каспийском море. Другой маршрут, или «Морской шелковый путь» (МШП) начинается в Южно-Китайском море, проходит через Малаккский пролив, Индийский океан и Красное море и выходит в Средиземное море, на берегах которого расположена и Турция. Оба транспортных коридора развиваются в рамках единой программы «Один пояс – один путь» (ОПОП), в которой Турция является ключевым звеном.

Начало реализации ОПОП ознаменовало резкую активизацию турецко-китайских экономических связей. Турция выдвинула собственную инициативу «Средний коридор». На саммите G20 в Анталье в ноябре 2015 г. КНР и Турция подписали Меморандум о взаимопонимании в отношении проекта ОПОП и инициативы «Средний коридор», что означало формальное сотрудничество между двумя странами в рамках ОПОП [2, с. 326]. В январе 2016 г. была создана турецкая и китайская Рабочие группы ОПОП в составе представителей министерств иностранных дел, экономики, транспорта, энергетики и др.

В 2017 г. президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган по приглашению председателя КНР Си Цзиньпина посетил Китая для участия в форуме международного сотрудничества ОПОП. Си Цзиньпин предложил состыковать проекты ОПОП и «Средний коридор», за счет чего обе стороны бы достигли эффекта «один плюс один – больше двух» [6, с. 444].

В настоящее время китайские компании вовлечены в широкий круг проектов, реализуемых в Турции в рамках ОПОП. В числе наиболее значимых – проекты увеличения пропускной способности высокоскоростных дорог Стамбул – Анкара, Анкара – Сивас, Баку – Тбилиси – Карс [2, с.3 27].

Вторым по значимости направлением турецко-китайского сотрудничества в рамках ОПОП является модернизация турецких портов. Приобретение китайским консорциумом 64,5% акций контейнерного терминала Кумпорт, третьего по величине в Турции, позволило интегрировать его в

морские коридоры МШП. Турецкое правительство готово включить в морские проекты КНР ещё три крупных гавани – Чандарлы на Эгейском море, Мерсин на Средиземном море и Филиос на Черном море [2, с. 328].

Несмотря на расширение экономического сотрудничества, нельзя забывать о наличии политических факторов, осложняющих отношения между двумя государствами. Наиболее раздражающим моментом является уйгурский вопрос. После развала СССР в 1991 г. руководства Турции продвигает в регионе Центральной Азии идеи пантюркизма. Оно использует мягкую силу, прежде всего в культурной сфере и области образования. И хотя Турция совершенно не может конкурировать с Китаем в экономике, в духовной сфере она, безусловно, крайне притягательна для тюркского, прежде всего уйгурского населения Синьцзян-Уйгурского Автономного Района (СУАР).

К настоящему времени численность уйгурской диаспоры в Турции превысила 300 тыс. чел. [5, с. 21]. Что интересно, многие из них зарабатывают на жизнь за счет профессиональных навыков, которые приобрели в Китае – производства одежды шелка, керамики, открытия китайских ресторанов и клиник традиционной китайской медицины.

Все это не может не вызывать беспокойства властей КНР, которые рассматривают наличие уйгурской диаспоры в Турции как потенциальную поддержку уйгурского сепаратизма в СУАР. В 2019 г. Китай аннулировал паспорта проживающих в Турции уйгуров, чем создал им большие сложности с устройством на работу [5, с. 22].

Несмотря на более чем двадцатилетнее доминирование в турецкой политике Партии справедливости и развития – партии президента Р.Т. Эрдогана, в Турции достаточно сильна оппозиция, которая регулярно критикует власти КНР за их политику в отношении уйгуров. В июне – июле 2015 г. в Турции прошел ряд антикитайских акций, организованных уйгурами, проживающих в Турции и организацией «Серые волки» -- молодежного крыла ультраправой Партии националистического движения. В декабре 2019 г. и марте 2021 г. в Анкаре и Стамбуле уйгуры провели крупные митинги с требованием прекратить «геноцид» уйгур в Китае [1, с. 189].

Что касается официальных властей, то после 2016 г. они публично стараются избегать уйгурской темы. Единственным исключением стало заявление представителя МИД Турции Х. Аксоя об усилении давления на уйгур со стороны властей Китая. Однако уже во время визита Р.Т Эрдогана в КНР в июле 2019 г. тот заявил, что все этнические группы в Синьцзяне «живут счастливо» [1, с. 189]. Осторожность турецких властей проявляется и в отношении к признанному на Западе уйгурскому лидеру Ребии Кадир, которой под разными предложениями не давали приехать

в Турцию, в то время как простым уйгурам, покинувших КНР, с легкостью предоставляют турецкое гражданство.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

В настоящее время Китай занял первое место в Турецком импорте при огромном дисбалансе в свою пользу. Это вынуждает руководство Турции во главе с президентом Р.Т. Эрдоганом искать выход в расширении участия в продвигаемом Пекином проекте «Один пояс – один путь», в надежде стать его ключевым элементом.

Никуда не исчезла уйгурская проблема в отношениях двух стран. Правительство Эрдогана проводит крайне осторожную политику в данном вопросе, однако на быденном уровне в турецком обществе доминируют проуйгурские симпатии, что подпитывает антикитайские настроения, что может негативно сказаться на отношениях двух стран в случае смены политического режима в Турции.

Тем не менее, отсутствие открытой конфронтации между двумя странами по уйгурскому и экономическому вопросу дает основания надеяться на углубление сотрудничества между двумя странами.

Библиографические ссылки

1. *Аватков В.А., Прилепский П.А.* Китайско-турецкие отношения в «новую эпоху» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т.27, № 1. С.186–197.

2. *Валиахметова Г.Н.* Особенности интеграции Турции в китайскую инициативу «Один пояс – один путь» // Научный диалог. 2020. № 2. С.322–332.

3. *Васильев А.Д.* Османский протекторат и российская политика в Кашгаре в 70-х – начале 80-х гг. XIX в. // Мир большого Алтая. 2016, № 2 (2.2). С.372–383.

4. *Виноградов А.О., Муминова С.А.* Китайско-турецкие отношения: современный этап // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021, № 26, Том 26. С. – 200–226.

5. *Конаш Д.С., Никуленков В.В.* Национальный вопрос в китайско-турецких отношениях // The Newman in Foreign Policy. 2022. № 64 (108), Vol. 1, январь – февраль 2022 г. С.19–24.

6. *Тао Цзинхун, Кузьмин В.А.* Развитие китайско-турецких отношений в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // Научный диалог. 2021. № 3. С.438–451.